
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир Малахов

ОТ СООБЩЕСТВ К ПРОСТРАНСТВУ: ИССЛЕДУЯ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИЙ

Настоящая статья носит обзорный характер. Автор ставит перед собой задачу проследить основные линии развития миграционных исследований в России с точки зрения их эволюции от нерефлексивного эссенциализма к рефлексивно применяемому социальному конструктивизму. Последний, постулируя примат отношений над сущностями, создает концептуальные возможности для преодоления этноцентричной оптики, долгое время безраздельно господствовавшей в отечественном обществоведении вообще и в миграциеведении в частности. Первая часть посвящена англоязычным публикациям, оказавшим решающее влияние на международные исследования в области миграции и урбанистики. Во второй части автор обращается к российским ученым – социологам, социальным антропологам, географам и историкам, изучающим влияние миграционных процессов на изменения городской среды. Особое внимание, в частности, уделяется работам, исследующим феномен постсоветского «базара». Эти тексты демонстрируют, что так называемые этнические рынки представляют собой специфические локальности, структура которых определяется отнюдь не этническим составом работающих там торговцев. Маркирование этой локальности в этнических терминах есть не что иное, как указание на специфический характер пространственной организации. Предметом обзора выступают также публикации, посвященные формированию в российских городах мигрантской инфраструктуры. Исследования показывают, что и заведения

Владимир Сергеевич Малахов – д. полит.н., профессор, Институт общественных наук, РАНХиГС, Москва, Россия. Электронная почта: malakhov-vs@ranepa.ru

общепита, и учреждения здравоохранения, которые в обыденном восприятии выглядят как «этнические» (т.е. создаваемые представителями какого-либо этнического сообщества для внутреннего использования), на практике являются сложными структурами с множеством функций. Кроме того, автор привлекает внимание к полевым исследованиям российских ученых, которые те ведут в среде мигрантов-мусульман. Особенность данной аналитической работы заключается в том, что ее объектом выступают не формальные исламские организации и не медийные фигуры, репрезентирующие ислам, а процессы повседневной коммуникации верующих. Наконец, затрагиваются работы социальных антропологов, изучающих влияние миграционных процессов на систему образования и языковой ландшафт России. В этой связи автор подчеркивает скорость общественных изменений, связанных с миграциями – они столь стремительны, что не находят адекватного отражения ни на уровне обыденного сознания, ни на уровне социальной политики.

Ключевые слова: социальное пространство, миграционные исследования, городские исследования, эссенциализм, социальный конструктивизм

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576

Пространственная метафора завладела воображением социальных ученых столь прочно, что сегодня трудно найти работу на тему мигрантов в городе, в которой не фигурировали бы слова «пространство» и «территория». Порой эти слова имеют откровенно мифопоэтический оттенок – «пространство контакта», «пространство надежды», «территория встречи», «территория будущего». Привлекательность такого словаря связана с антиэссенциалистским поворотом, произошедшим в социально-гуманитарных науках в последнюю треть XX в., в ходе которого в категориальном аппарате современного обществознания утвердилось понятие «социальное пространство» (Bourdieu 1984). Оно, в отличие от пространства физического, воплощается в социальных отношениях.

Между тем многие исследователи миграции, декларативно присягнувшие на верность конструктивистской методологии, на практике остаются внутри эссенциалистской парадигмы. Исходным пунктом их анализа выступают этнические группы. Последние наделяются набором якобы изначально присущих им свойств, не зависящих от социального взаимодействия. Если в ходе рассуждения при этом появляется термин «пространство», то оно мыслится как пустое вместилище для контакта групп друг с другом. Иными словами, группы предстают как субстанции, обладающие некими акциденциями, тогда как пространство есть не более чем оболочка для их развертывания (см., Vrubaker 2004). Настоящая статья представляет собой обзор исследований, посвященных воздействию миграции на города, под углом зрения их эволюции от эссенциализма к конструктивизму.

Снять «этнические очки»: Нина Глик Шиллер и другие

Значимым шагом на пути преодоления эссенциалистской оптики в исследованиях миграций стала публикация в начале 2000-х гг. программной статьи Виммера и Глик Шиллер (Wimmer, Glick Schiller 2003). Они поставили под вопрос продуктивность теоретической установки, названной ими методологическим национализмом. Речь идет об эпистемологии, благодаря которой мир выглядит как изначально поделенный на национальные государства. Отсюда проистекает нерелексированный жест исследователей – обращаться с «национальными государствами» и «этническими группами» как с само собой разумеющимися единицами анализа. Первые выступают своего рода контейнерами, внутри которых вторые взаимодействуют друг с другом. Такая оптика, однако, никоим образом не является «естественной», не говоря уже о том, что она не позволяет разглядеть множество важных общественных тенденций и явлений. В частности, то обстоятельство, что выходцы из одной страны, постоянно проживающие в другом государстве, ни в аналитическом, ни в эмпирическом плане не «умещаются» ни в одно из этих пространств. Выработываемые ими формы самопонимания («идентичности»), как и формируемые ими способы коммуникации (и с людьми в принимающей стране, и с людьми в стране исхода) носят не национальный, а транснациональный характер.

Разумеется, Виммер и Глик Шиллер не были первооткрывателями, раскрывшими коллегам глаза на существование феномена транснациональных сообществ. Соответствующая литература появилась задолго до их публикации и множилась независимо от нее (Smith 1997; Portes et al. 1999; Faist 2000; Calhoun 2003; Voigt-Graf 2004). Теоретическая рамка транснационализма в какой-то мере позволила сформировать альтернативу «диаспороведению». Впрочем, стоит заметить, что само по себе использование лексики транснационализма не является гарантией расставания с методологическим национализмом и укорененной в нем этноцентричной оптикой (Bauboeck, Faist 2010; Amelina et al. 2013).

Социальное пространство есть пространство отношений. Поскольку эти отношения одновременно разворачиваются на разных уровнях – глобальном, национальном, региональном, локальном – их анализ будет продуктивным только при условии, если исследователи отдадут себе отчет во взаимной конститутивности «глобального» и «локального» (Brenner, Theodore 2002; Beck, Sznaider 2006). Ученые вольны сфокусировать внимание на таком объекте как город, но при этом полезно помнить, что «город» есть не более чем аналитическая точка входа. Социальные взаимодействия сегодня – не взаимодействия между отдельными «территориальными целостностями», или «территориями» разного уровня, а взаимодействия внутри одного пространства, одной «территории». Эта территория формируется капиталистической глобализацией, современная фаза которой

связана с победой неолиберальной модели капитализма над кейнсианской. Неолиберальная глобализация ведет к радикальному реструктурированию социального пространства, в том числе на городском уровне.

О двух теоретических следствиях этого положения для миграциоведения рассуждают Глик Шиллер и Чаглар (Glick Schiller, Çağlar 2009). Первое: изучение современных миграций невозможно в отрыве от изучения процессов реструктурирования постиндустриальных городов под воздействием неолиберальной глобализации с 1980-х гг. Следствие второе: инкорпорирование мигрантов в социальную фабрику города не следует рассматривать сквозь этнические очки – как «интеграцию» представителей неких меньшинств в квази-гомогенное большинство. Стратегии, посредством которых мигранты встраиваются в социальное пространство города, определяются не ими и не горожанами. Они диктуются логикой капиталистической глобализации, радикально меняющей города. Харви пишет:

Нерегулируемый капитализм свободного рынка расширяет классовое разделение, усиливает социальное неравенство и делает так, что богатые регионы становятся богаче, а все остальное все глубже погружается в болото бедности. Города становятся все более геттоизированными по мере того, как богатые все сильнее стремятся оградить себя от бедных (Харви 2008: 90).

Мигранты приходят вслед за инвестициями в «городское развитие», тем самым способствуя джентрификации отдельных районов. В то же время, однако, миграции являются неотъемлемым элементом процессов социальной депривации в других районах, а также процессов прекаризации, охвативших постиндустриальный мир в последние два десятилетия XX в. и ставших особенно драматичными после финансового коллапса 2008–2009 гг. Для того чтобы адекватно отразить траектории мигрантского встраивания в данные тренды, исследователям необходимо снять «этнические очки».

Помимо Харви (см. также Harvey 2006), Глик Шиллер и Чаглар опираются, на целый корпус исследований по социальной географии, социальной антропологии и социологии города (Abu-Lughod 1999; Sassen 2000; Wacquant 2009). Кроме того, интеллектуальное поле для их поиска в большой мере подготовлено хрестоматийной книгой Баумана (Baumann 1996). Новизна и непреходящее значение этой работы заключается, прежде всего, в том, что в ней на богатом эмпирическом материале проанализирована связь между классификациями населения и нашими представлениями о «сообществах». Последние обусловлены первыми. Господствующий дискурс – задаваемый классификациями, принятыми бюрократией – предполагает, что общество в том или ином городе или городском районе состоит из отдельных «этнических сообществ», каждое из которых является носителем особой культуры. В той мере, в какой сами люди интериоризировали господствующий дискурс, они принимают эти деления за само собой разумеющиеся, рассматривая «этнические сообщества» как отдельные «культурные сообщества».

Основные мысли программных статей Глик Шиллер и Чаглар получили дальнейшую разработку в книге «Мигранты и производство городов» (Çağlar, Glick Schiller 2018). В ней, среди прочего, сделано три важных теоретических заявления. Во-первых, дихотомия «местное население» (*natives*) vs. «мигранты» должна быть проблематизирована. «*Native*» – понятие контекстуальное, ситуационное и властно нагруженное. Кого отнесут к этой категории, а кого из нее исключат, зависит от того, какие агенты социального поля обладают символической властью, позволяющей навязать определенное видение «общества».

Во-вторых, в проблематизации нуждается понятие мобильности. «Мобильность» – совсем не невинный термин, лишь констатирующий некий факт. Кто сегодня мобилен, а кто – нет, определяется диспозициями сил на политическом и экономическом полях. С одной стороны, возможность быть мобильными – роскошь, имеющаяся в распоряжении высших и средних классов, тогда как представители низших классов такой возможности зачастую лишены по причине отсутствия элементарных ресурсов. С другой стороны, многие из тех, кого сегодня называют мобильными индивидами, вовсе не выбирали эту опцию (располагая возможностью оседлости); к существованию в качестве мобильных субъектов их вынудили обстоятельства. За выражением «мобильность» скрывается два совершенно разных процесса, которые авторы обозначают словами *emplacement* и *displacement*. Включение в городское пространство одних сопровождается исключением из него других. «Обретение места» теми или иными индивидами идет параллельно с «лишением места» других индивидов. Добавим, что ситуация пандемии *COVID-19* обострила фактор неравенства, детерминирующий «мобильность». Если представители средних классов в большинстве своем могли «самоизолироваться», работая удаленно, то рядом были люди, у которых такой возможности нет. Им передали мобильность на аутсорсинг, делегировав те функции, которые в менее опасное время люди выполняют сами – доставку еды, например.

В-третьих, так называемое городское развитие имеет различные последствия не только для разных групп жителей, но и для разных городов. Процесс, именуемый «развитием», в случае мега-городов означает умножение возможностей, увеличение ресурсов, аккумуляцию всех видов капитала – от финансово-экономического до социального. Но в случае малых городов он зачастую означает совсем иное – социально-экономическую депрессию и резкое снижение шансов найти работу для большей части жителей. Чаглар и Глик Шиллер рассматривают два типа социальной динамики: «обретение возможностей» и «наделение правами» (*empowerment*) на одном полюсе влечет за собой «изъятие прав» и «лишение возможностей» (*disempowerment*) на другом. Эта динамика затрагивает как города в качестве географических и хозяйственных единиц, так и населяющих их людей. Есть «пораженные в правах» индивиды и слои населения, и есть «пораженные в правах» города.

И то, и другое – следствие процессов капиталистической глобализации, которые мы бездумно именуем «развитием».

Книга Чаглар и Глик Шиллер стала возможной благодаря многолетнему исследованию, которое проводилось под их руководством в трех небольших городах Германии, Турции и США, на рубеже 1980–1990-х гг. считавшихся депрессивными, но в определенный момент ставших объектом политики развития. Причем в каждом из них приток мигрантов рассматривался в контексте притока инвестиций и ребрендинга. Результаты этих политик были, мягко говоря, противоречивыми. Их бенефициарами стали немногие, тогда как «лишенцев» оказалось гораздо больше. Но, что здесь особенно важно – «лишающая» логика неолиберального капитализма затрагивает все группы населения, независимо от того, являются они местными или приезжими. В теории это означает выход за пределы бинарной логики, в которой эти «группы» мыслятся как статичные и противопоставляются друг другу. На практике же это означает внимание к вариативности взаимодействия горожан с мигрантами, включающего в себя сотрудничество.

Специфичность российского случая в контексте миграционной проблематики достаточно очевидна. И все же ее не следует преувеличивать. Будучи полупериферией современной глобальной социальной системы, Россия тем не менее является ее частью. Глубочайшие трансформации городского пространства России, свидетелями и участниками которых мы являемся, прямо или косвенно связаны с миграциями. Ниже речь пойдет об опыте осмысления этих трансформаций в отечественной социальной науке.

Социальная антропология городских трансформаций: российский кейс

Призыв снять этнические очки для многих российских социологов и социальных антропологов сегодня не актуален – по той причине, что они никогда их не носили. Усилия по преодолению этноцентризма, долгое время безраздельно господствовавшего в отечественном обществознании, восходят к 1990 – нач. 2000-х (Воронков, Освальд 1998; Бредникова, Паченков 1999; Малахов 2002; Осипов 2002). Именно в этот период российские исследователи, изучавшие миграции, поставили под сомнение «естественный» характер этнических категорий, продемонстрировав, что за ними стоят социальные отношения. То, что внешний взгляд принимает за сообщество, образованное на этнической основе, на деле может оказаться сообществом земляков (скажем, бакинцев) или сетью взаимопомощи, образованной на основе доверия (а последнее, в свою очередь, задается совместным опытом – скажем, в армии). В экономических цепочках, которые представляются обывателю как устроенные по этническому признаку, на практике принимают участие представители многих национальностей, а «свой» для рядового участника таких цепочек означает отнюдь не только общее этническое происхождение.

Отход российских исследователей от этноцентризма происходил не через лобовое столкновение с представителями эссенциалистской парадигмы, а посредством смены аналитической оптики. Так, петербургские социологи из Центра независимых социологических исследований, изучая так называемую «этническую экономику», взяли в качестве теоретической рамки теорию повседневности и теорию жизненного мира (Brednikova, Patchenkov 2002). «Блошинный рынок» Санкт-Петербурга предстал в результате как пространство реализации стратегии выживания, избранной жителями постсоветской России и бывших советских республик в первые годы после коллапса СССР. В этой связи исследователи вводят категорию «повседневной экономики» и демонстрируют, что петербургский «блошинный рынок», равно как и аналогичные феномены в других постсоветских городах, представляет собой именно такой институт.

Базар и город

Феномен постсоветского базара и его роли в жизни российских городов в первые два десятилетия после смены социально-экономического и политического строя – тема, заслуживающая самого пристального аналитического внимания. К числу пионеров в этой области, наряду с коллективом Воронкова в Санкт-Петербурге, принадлежит группа Дятлова в Иркутске. Последний никогда не ограничивал свой круг иркутчанами, привлекая к своим проектам социальных ученых из других мест. Но в географическом плане исследования группы Дятлова сосредоточены, в основном, на городах Сибири и Дальнего Востока (Дятлов 2008; 2015). В фокусе внимания здесь оказались так называемые китайские рынки. В ходе наблюдений за этим феноменом ученые отказались от этноцентричной логики. Объект их анализа – не данности, именуемые группами, а взаимодействия людей, образующих группы, в определенной среде. Отсюда принципиальное значение понятия «локальность», которым оперируют Дятлов и его коллеги.

Этническое маркирование для иркутских миграциологов есть не что иное, как символ специфического характера пространственной организации, указание на принцип функционирования той или иной локальности. Локальность, маркируемая в этнических терминах («китайский» рынок, равно как «вьетнамский» или «азербайджанский»), на деле отсылает вовсе не к такому «факту», как доля здесь представителей соответствующей этнической группы, а к особому типу социальных отношений. «Китайскость» рынка определяется вовсе не количеством и не наличием на нем китайцев. «Китайским» рынок делают выполняемые им и приписываемые ему особые функции. Например, возможность для посетителей купить по низким ценам товары относительно сносного качества, для продавцов – стремительно разбогатеть благодаря торговле контрафактом, для подсобных работников – оказаться жертвой сверхэксплуатации (Григоричев и др. 2019).

Мигрантская инфраструктура

Миграционные процессы не могли не повлечь за собой ощутимых изменений в организации городского пространства, частью которых является появление мигрантской инфраструктуры. В журналистских публикациях этот феномен оброс многочисленными мифами. Они так или иначе вращаются вокруг этничности – от «этнических кварталов» и «этнических гетто» до «этнических» заведений общепита, поликлиник и прочих локальностей, якобы свидетельствующих о существовании «города в городе» (а последний, в свою очередь, возникает из «нежелания интегрироваться»). Эти мифы опровергаются социологами и социальными антропологами, изучавшими формы встраивания мигрантов в городскую жизнь.

Исследования российских ученых продемонстрировали, в частности, что в российских городах нет пространственной сегрегации по этническому признаку (Vendina 2002; Бредникова, Ткач 2010; Деминцева, Пешкова 2014). Это обусловлено, прежде всего, особенностями структуры жилищного фонда, сложившейся в советские десятилетия. Постсоветская застройка привела к тому, что сегодня в одном районе и даже в одном квартале соседствуют друг с другом престижное и непрестижное жилье. А поскольку важнейший критерий при выборе жилья трудовыми мигрантами – его дешевизна, они селятся повсюду. Квартира, снимаемая вскладчину, может находиться где угодно. Главное, чтобы ее хозяин согласился сдать ее мигрантам.

Не менее значимые находки российских обществоведов связаны с изучением феномена так называемых этнических кафе. Исследования коллектива Варшавера показали, что такие заведения и формирующиеся вокруг них сообщества есть не что иное, как место интеграции мигрантов в городскую социум (Варшавер, Рочева 2014). Заведения общепита, которые представляются внешнему взгляду «этническими» (т.е. создаваемыми представителями одной этнической группы для исключительного или преимущественного использования соплеменниками), на практике являются сложными структурами с множеством функций. Так, «киргизские кафе» в Москве могут управляться азербайджанцами и служить местом общения для выходцев постсоветской Средней Азии. Важно понимать, что сообщества, складывающиеся вокруг таких кафе, не являются этническими. Они формируются по иному, нежели общая этничность, признаку. Это может быть землячество (например, самаркандцы, среди которых есть и узбеки, и таджики), шаговая доступность от места работы (здесь ведутся деловые переговоры), религия (во-первых, в силу того, что исламская умма по определению должна объединять всех мусульман, независимо от национальности, а во-вторых, в силу того, что приверженцы определенной, связанной с регионом исхода, исламской традиции получают через кафе возможность регулярного общения с единоверцами). Эти заведения открыты для любых посетителей, независимо от этнической принадлежности.

Еще один элемент возникающей мигрантской инфраструктуры – «киргизские клиники» в Москве. Данное выражение опять-таки приходится брать в кавычки. Речь идет о частных медицинских учреждениях, созданных, как правило, мигрантами из Кыргызстана (но их называют «киргизскими» и в случаях, когда их создатели – выходцы из других среднеазиатских стран). Такие клиники имеют репутацию мигрантских, и именно туда предпочитают обращаться среднеазиатские мигранты в случае болезни. Несмотря на распространенный стереотип, согласно которому данные учреждения обслуживают вполне определенную клиентуру, их целевая аудитория никоим образом не ограничена мигрантами – за лечением сюда приходят горожане любого происхождения (Demintseva, Kashnitsky 2016).

Мигранты как участники изменений городской среды

Приезжая в город, мигранты встраиваются в существующую городскую среду и вместе с тем меняют ее. Впрочем, эта среда изменчива по определению, поэтому присутствие и активность мигрантов в городе есть одновременно и следствие, и причина ее изменений. Динамика экономических обменов, система социальной коммуникации, производство и потребление культуры – во всех этих сферах ощущается влияние миграционных процессов. Симптомы текущих трансформаций многообразны. В экономическом поле это, среди прочего, появление мигрантских бизнесов. В числе симптомов изменений в системе социальной коммуникации – появление многочисленных «диаспоральных» соцсетей, а также сетевых ресурсов, адресованных мигрантам, но создаваемых и управляемых местными предпринимателями или гражданскими активистами. Отдельная и пока слабо изученная тема – влияние миграции на динамику культурного поля. Как вписываются в культурную среду города его новые жители? Если досуговые практики мигрантов (т. е. их активность с точки зрения культурного потребления) уже не раз становились предметом внимания российских обществоведов (Вендина 2009; Акифьева 2014), то с мигрантским участием в культурном производстве дело обстоит хуже. Первые работы на эту тему появились лишь в самые последние годы (Каландаров 2017; Малахов и др. 2018; Malakhov 2019; Симон 2020).

Кроме того, миграция привела к ощутимым изменениям в религиозной жизни российских городов. В проповедях, читаемых в московских и петербургских мечетях, стал преобладать русский язык – он, в отличие от татарского, служит *lingua franca* для прихожан из ближнего зарубежья (Yusupova, Ponarin 2018). Вокруг мечетей и молельных домов везде, где есть мигранты-мусульмане, складывается специфическое пространство, устроенное гораздо более сложным образом, чем это представляется аутсайдерам. Анализом этого устройства на протяжении многих лет занимается Опарин. Помимо Москвы, он изучал мусульманские сообщества в Ханты-

Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Томске и Иркутске. Результаты его недавней работы в Томске (Опарин 2020), подтверждают выводы, сделанные им в ходе предыдущих исследований. Среди них – недооцениваемая роль низовой исламской агентности. Рядовые верующие, приехавшие из Средней Азии или с Кавказа, могут становиться религиозными лидерами, вокруг которых формируются локальные мусульманские сообщества. Авторитет этих лидеров формируется не за счет религиозного образования (которого у них обычно нет), а за счет социального капитала. Аккумуляция этого капитала обусловлена сочетанием множества факторов: индивидуальная набожность, личные качества, миграционный опыт, профессиональный статус, финансовые возможности и т. д. Избранная исследователем теоретическая рамка (а она задается такими концептами как религиозный индивидуализм, повседневный ислам и тактическая религия) позволяет получить более нюансированную картину происходящего в религиозном пространстве, чем те, которыми мы вынуждены довольствоваться, если сосредоточиваем внимание на формальных мусульманских организациях и медийных фигурах.

Социальные трансформации и административные практики

Одним из актуальнейших вопросов российской социальной политики является готовность образовательной системы адаптироваться к изменениям, которые несут с собой миграции. Похоже, однако, что на настоящий момент эта система ожидает адаптации от самих мигрантов – точнее, от их детей. Во всяком случае, исследования, проводившиеся Деминцевой и ее коллегами, показывают, что российские школы лишены маневра в том, что касается обучения школьников, плохо знающих русский язык (Demintseva 2020). Директора и учителя вынуждены соблюдать единый образовательный стандарт, не предусматривающий каких-либо отклонений, а это означает, что дети мигрантов становятся для них обузой. Собственно говоря, проблема упирается в недостаточную языковую компетенцию. Дети из мигрантских семей, посещавшие детский сад, прекрасно говорят по-русски и зачастую оказываются не просто хорошими, а лучшими учениками. Стало быть, для того чтобы эту проблему решить, нужны систематические усилия по обучению русскому языку детей, им не владеющих, а также подготовительные курсы для дошкольников, специальные программы для детей старшего возраста, подготовка учителей к работе со школьниками с недостаточным знанием языка. Поскольку ничего подобного не предпринимается, руководство школ категоризирует детей плохо знающих русский язык и потому не способных справиться с программой, как «отклоняющихся от нормы» и «отстающих».

Кроме того, социологи показывают, что так называемые «мигрантские школы» появляются не из-за числа обучающихся в них детей мигрантов, а благодаря соответствующей репутации. Репутация же складывается

в силу низкого социального статуса родителей большинства учеников, независимо от того, принадлежат они к местным или приезжим. Это так называемые «плохие школы» (они же – «проблемные»). Именно в подобных школах и оказываются зачастую дети из семей мигрантов. Симптоматично, что высоко статусные мигранты предпочитают не отдавать своих детей в такие школы. Они не отождествляют себя с низкостатусными выходцами из мигрантской среды, дистанцируясь от «дворников» и «уборщиц» (что, заметим, идет вразрез с представлением об априорной этнической идентичности и национальной солидарности «групп» приезжих).

Я далек от утверждения, будто описанная выше эволюция дает исчерпывающую картину того, что происходит в отечественных миграционных исследованиях. Среди российских специалистов есть и те, кто стоит на эссенциалистских позициях, и те, кто придерживается их неявно, и для кого конструктивистская риторика не более чем дань моде. Как бы то ни было, методологический тренд, обозначенный как движение от «сообществ» к «пространству», медленно, но верно, пробивает себе дорогу в российской социальной науке вообще и в исследованиях миграций в частности.

Выражение признательности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Список источников

Акифьева Р. (2014) Досуговые практики и образовательные притязания: взаимосвязь между миграционной историей и ресурсами семьи. *Демоскоп weekly*. Доступно по ссылке: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/analit04.php> (дата обращения: 18 октября 2020).

Бредникова О., Паченков О. (1999) Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов. О. Бредникова, В. Воронкова, Е. Чикадзе (ред.) *Этничность и экономика*. СПб.: ЦНСИ: 47–54.

Бредникова О., Ткач О. (2010) Дом дляномады. *Laboratorium*, (3): 72–95.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. (2014) Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве. *Мониторинг общественного мнения*, 3 (121): 104–113.

Вендина О. И. (2009) Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве. Ж. А. Зайнчковская (ред.) *Иммигранты в Москве*. М.: Три квадрата: 45–147.

- Воронков В., Освальд И. (1998) Постсоветские этничности. В. Воронков, И. Освальд (ред.) *Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга*. СПб: Дмитрий Буланин: 6–36.
- Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брызгина Д. Е. (ред.) (2019) *Базар город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск.
- Деминцева Е., Пешкова В. (2014) Мигранты из Средней Азии в Москве. *Демоскоп weekly*, (5–18 мая): 597–598.
- Деминцева Е. Б. (2019) Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах. *Этнографическое обозрение*, (2): 98–113.
- Дятлов В. И. (2008) Россия: в предчувствии «чайнатаунов». *Этнографическое обозрение*, (4): 6–16.
- Дятлов В. И. (2015) Этнические рынки в современной России – ускользающий объект исследовательского внимания. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев (ред.) *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи*. Иркутск: Изд-во ИГУ: 16–40.
- Каландаров Т. (2017) Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России. *Acta Slavica Iaponica*, (38): 91–119.
- Малахов В. (2002) Преодолимо ли этноцентричное мышление? В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.) *Расизм в языке социальных наук*. СПб: Алтейя: 9–22.
- Малахов В., Симон М., Олимова С. (2018) Творчество мигрантов как проблема социологии культуры: выходцы из Таджикистана в России. *Неприкосновенный запас*, 3 (119): 30–54.
- Опарин Д. (2020) Религиозный авторитет и этика повседневности в мусульманской миграционной среде. *Laboratorium*, 12 (1): 81–105.
- Осипов А. (2002) Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.) *Расизм в языке социальных наук*. СПб: Алтейя: 45–69.
- Симон М. (2020) Инсценируя городское разнообразие: мигранты на театральных сценах Берлина и Москвы. *Laboratorium*, 12 (1): 15–47.
- Харви Д. (2008) Право на город. *Логос*, 3 (66): 80–94.
- Abu-Lughod J. (1999) *New York, Los Angeles: America's Global Cities*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Amelina A., Faist T., Nergiz D. D. (eds.) (2013) *Methodologies on the Move: The Transnational Turn in Empirical Migration Research*. London: Routledge.
- Bauboek R., Faist T. (2010) *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Baumann G. (1996) *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multi-Ethnic London*. New York: Cambridge University Press.
- Beck U., Sznaider N. (2006) Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: A Research Agenda. *British Journal of Sociology*, 57 (1): 1–23.

- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) Migrants-'Caucasians' in St. Petersburg: Life in Tension. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 41 (2): 43–89.
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and Geographies of Actually Existing Neoliberalism. *Antipode*, 34 (3): 348–379.
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Çağlar A., Glick Schiller N. (2018) *Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement and Urban Regeneration*. Durham: Duke University Press.
- Calhoun C. (2003) Belonging' in the Cosmopolitan Imaginary. *Ethnicities*, 3 (4): 531–568.
- Demintseva E. (2020) 'Migrant Schools' and the 'Children of Migrants': Constructing Boundaries Around and Inside School Space. *Race Ethnicity and Education*, 23 (4): 598–612.
- Demintseva E., Kashnitsky D. (2016) Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia. *International Migration*, 54 (5): 29–42.
- Faist T. (2000) *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford: Oxford University Press.
- Glick Schiller N., Çağlar A. (2009) Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35 (2): 177–202.
- Harvey D. (2006) *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London: Verso.
- Malakhov V. (2019) Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*, 47 (2): 310–324.
- Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. (eds.) (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 217–237.
- Sassen S. (2000) *Cities in a World Economy*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Smith R. C. (1997) Transnational Migration, Assimilation and Political Community. In: M. Crahan, A. Vourvoulias-Bush (eds.) *The City and the World*. New York: Council of Foreign Relations: 110–33.
- Voigt-Graf C. (2004) Towards a Geography of Transnational Spaces: Indian Transnational Communities in Australia. *Global Networks*, 4 (1): 25–49.
- Wacquant L. (2009) *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham: Duke University Press.
- Wimmer A., Glick Schiller N. (2003) Methodological Nationalism, the Social Sciences and the Study of Migration. *International Migration Review*, 37 (3): 576–610.
- Yusupova G., Ponarin E. (2018) Social Remittances in Religion: Muslim Migrants in Russia and Transformation of Islamic Practices. *Problems of Post-Communism*, 65(3): 188–200.

FROM COMMUNITIES TO SPACE: STUDYING URBAN CHANGE DRIVEN BY MIGRATION

This article provides an overview of migration research in Russia in terms of its evolution from naïve essentialism to reflexively applied social constructivism. The latter postulates the primacy of relations over entities and so creates conceptual opportunities for overcoming ethnocentric optics. The first part of the article examines English-language publications that have had a decisive influence on research in the field. In the second part, I turn to Russian authors who study the impact of migration on transformations in the urban environment. I pay special attention to the scholarship exploring the phenomenon of the post-Soviet 'bazaar'. This scholarship makes clear that so-called ethnic markets are specific localities, whose structure is not determined by the ethnic composition of traders. If one marks this locality in ethnic terms it is nothing more than an indication of the specific character of spatial organization. Research examining the formation of migrant infrastructure in Russian cities more generally shows that establishments, which look 'ethnic' to many people (i.e. created by members of an ethnic community for internal use), are actually complex assemblies with many functions. In addition, I draw attention to fieldwork conducted by Russian scholars among Muslim migrants. What is specific about this work is that its subject is not formal Islamic organizations, but the everyday processes of communication among believers. Finally, the article reviews the impact of migration on the education system. With regard to this, I emphasize that the speed of social changes linked to migration entail a lack of reflection either at the level of everyday consciousness or at the level of social policy.

Keywords: social space, migration studies, urban studies, essentialism, social constructivism

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576

References

Abu-Lughod J. (1999) *New York, Los Angeles: America's Global Cities*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Akif'eva R. (2014) Dosugovye praktiki i obrazovatel'nye prityazaniya: vzaimosvyaz' mezhdru migratsionnoy istoriey i resursami sem'i [Leisure Activities and Educational Claims: Connections between Migration History and Family Achievements]. *Demoskop weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/analit04.php> (accessed 18 October 2020).

Amelina A., Faist T., Nergiz D. D. (eds.) (2013) *Methodologies on the Move: The Transnational Turn in Empirical Migration Research*. London: Routledge.

Vladimir Malakhov—Dr. Sci. (Pol.), Professor, School of Public Policy, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. Email: malakhov-vs@ranepa.ru

- Baumann G. (1996) *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multi-Ethnic London*. New York: Cambridge University Press.
- Bauboek R., Faist T. (2010) *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Beck U., Sznaider N. (2006) Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: A Research Agenda. *British Journal of Sociology*, 57 (1):1-23.
- Brednikova O., Pachenkov O. (1999) Etnichnost' 'etnicheskoy ekonomiki' i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity in 'Ethnic Economy' and Migrants' Social Networks]. In: O. Brednikova, V. Voronkov, E. Chikadze (eds.) *Etnichnost' i ekonomika* [Ethnicity and Economy]. St. Petersburg: CISR: 47–54.
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) Migrants-'Caucasians' in St. Petersburg: Life in Tension. *Anthropology and Archaeology of Eurasia*, 41 (2): 43–89.
- Brednikova O., Tkach O. (2010) Dom dlya nomady [House for a Nomad]. *Laboratorium*, (3): 72–95.
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and Geographies of Actually Existing Neoliberalism. *Antipode*, 34 (3): 348–379.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Çağlar A., Glick Schiller N. (2018) *Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement and Urban Regeneration*. Durham: Duke University Press.
- Calhoun C. (2003) 'Belonging' in the Cosmopolitan Imaginary. *Ethnicities*, 3 (4): 531–568.
- Demintseva E., Peshkova V. (2014) Migranty iz Sredney Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop weekly*, (May, 5–18): 597–598.
- Demintseva E., Kashnitsky D. (2016) Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia. *International Migration*, 54 (5): 29–42.
- Demintseva E. (2020) 'Migrant Schools' and the 'Children of Migrants': Constructing Boundaries Around and Inside School Space. *Race Ethnicity and Education*, 23 (4): 598–612.
- Dyatlov V.I. (2008) Rossiya: v predchuvstvii 'chaynataunov' [Russia in Anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4): 6–16.
- Dyatlov V.I. (2015) Etnicheskie rynki v sovremennoy Rossii – uskol'zayushchiy ob'ekt issledovatel'skogo vnimaniya [Ethnic Markets of Russia: The Vanishing Object of Research]. In: V.I. Dyatlov, K. V. Grigorichev (eds.) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Today's Russia: An Elusive Research Agenda]. Irkutsk: Izd-vo IGU: 16–40.
- Faist T. (2000) *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford: Oxford University Press.
- Glick Schiller N., Çağlar A. (2009) Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35 (2): 177–202.
- Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E. (eds.) (2019) *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Bazar and City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk.
- Harvey D. (2006) *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London: Verso.
- Harvey D. (2008) Pravo na gorod [Right to the City]. *Logos*, 3 (66): 80–94.

Kalandarov T. (2017) Kostochka sladkaya, na chuzhbine ya...: poeziya tadjhikskikh trudovykh migrantov v Rossii [My Sweetheart, I am in a Foreign Land: The Poetry of Tadjik Labour Migrants in Russia]. *Acta Slavica Iaponica*, (38): 91–119.

Malakhov V. (2002) Preodolimo li etnotsentrichnoe myshlenie? [Can Ethnocentric Thinking be Overcome?]. In: V. Voronkov, O. Karpenko, A. Osipov (eds.) *Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Science]. St. Petersburg: Aleteya: 9–22.

Malakhov V., Simon M., Olimova S. (2018) Tvorchestvo migrantov kak problema sotsiologii kul'tury: vykhodtsy iz Tadjhikistana v Rossii [Migrants' Art Activity as a Problem of the Sociology of Culture]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 3 (119): 30–54.

Malakhov V. (2019) Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*, 47 (2): 310–324.

Oparin D. (2020) Religioznyy avtoritet i etika povsednevnosti v migratsionnoy srede [Religious Authority and Everyday Ethics in the Migrant Environment]. *Laboratorium*, 12 (1): 81–105.

Osipov A. (2002) Konstruirovaniye etnicheskogo konflikta i rasistskiy diskurs [Construction of Ethnic Conflict and Racist Discourse]. In: V. Voronkov, O. Karpenko, A. Osipov (eds.) *Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Science]. St. Petersburg: Aleteya: 45–69.

Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. (eds.) (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 217–237.

Simon M. (2020) Instseniruya gorodskoe raznoobrazie: migranty na teatral'nykh stsenakh Berlina i Moskvy [Staging Urban Diversity: Migrants at Theatre Venues in Berlin and Moscow]. *Laboratorium*, 12 (1): 15–47.

Sassen S. (2000) *Cities in a World Economy*. 2nd Ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Smith R. C. (1997) Transnational Migration, Assimilation and Political Community. In: M. Crahan, A. Vourvoulias-Bush (eds.) *The City and the World*. New York: Council of Foreign Relations: 110–33.

Yusupova G., Ponarin E. (2018) Social Remittances in Religion: Muslim Migrants in Russia and Transformation of Islamic Practices. *Problems of Post-Communism*, 65(3): 188–200.

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Communities in Cafes as an Environment of Immigrants' Integration]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 3 (121): 104–113.

Vendina O. (2002) Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow. *Eurasian Geography and Economics*, 43 (3): 216–244.

Vendina O. I. (2009) Kul'turnoe raznoobrazie i 'pobochnye' efekty etnokul'turnoy politiki v Moskve [Cultural Diversity and Side Effects of Ethno-Cultural Policy]. In: Zh. A. Zaynchkovskaya (ed.) *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow]. Moscow: Tri kvadrata: 45–147.

Voronkov V., Osval'd I. (1998) Postsovetские этничности [Postsoviet Ethnicities]. In: V. Voronkov, I. Osval'd (eds.) *Konstruirovaniye etnichnosti: etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga* [Construction of Ethnicity: Ethnic Communities in St. Petersburg]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin: 6–36.

Voigt-Graf C. (2004) Towards a Geography of Transnational Spaces: Indian Transnational Communities in Australia. *Global Networks*, 4 (1): 25–49.

Wimmer A., Glick Schiller N. (2003) Methodological Nationalism, the Social Sciences and the Study of Migration. *International Migration Review*, 37 (3): 576–610.

Wacquant L. (2009) *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham: Duke University Press.